

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Римские Деяния в древнерусских обработках*

В известной книге А. И. Соболевского переведенные с польского в последней четверти XVII в. Римские Деяния, как и Великое Зерцало, появившееся на Руси несколько ранее, не упоминаются. В предисловии автор оговорил отсутствие беллетристики,¹ сославшись на книгу А. Н. Пыпина.² К тому времени вышли из печати труды С. Л. Пташицкого³ и П. В. Владимирова.⁴ Они до сих пор сохраняют свое значение и во многом определили пути дальнейшего исследования этих памятников.

В частности, именно с С. Л. Пташицкого началось основное направление в изучении Деяний, а именно изучение состава дошедших до нас кодексов (под кодексом понимается рукопись, содержащая от 7—8 до 38—40 прикладов). Исследование состава — первый необходимый шаг для решения вопросов о соотношении переводного сборника и его иноязычного источника. Подобным образом было исследовано Великое Зерцало: изучение состава его русских версий в сопоставлении с польскими позволило Б. Вальчак-Срочиньской точно установить, что переводчики пользовались изданием 1621 г., а во втором переводе включили в русский текст девять статей, отсутствующих во всех польских изданиях.⁵ Правда, эта работа облегчалась тем, что в отличие от сборника *Historye Rzymskie* сохранились все известные польские издания Великого Зерцала (*Wielkie Zwierciadło przykładów*). Однако, по мнению Э. Малэк, и в отношении Деяний именно состав и порядок расположения текстов внутри кодекса даст основания для определения архетипа не дошедшего до нас польского издания 1663 г., упомянутого в русских текстах.⁶

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» при финансовой поддержке РФНФ (проект № 03-04-00401 а).

¹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 48.

² *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

³ *Пташицкий С. Л.* Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из «Римских Деяний» (*Gesta Romanorum*). СПб., 1897.

⁴ *Владимиров П. В.* Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884.

⁵ См.: *Walczak-Sroczyńska B.* *Wielkie Zwierciadło Przykładów — dzieje tekstologiczne // Slavica Orientalis.* 1976. № 4. S. 493—508.

⁶ *Malek E.* *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku.* Łódź, 1988. S. 119.

Помимо источника перевода важнейшей проблемой является исследование путей русификации переводного произведения. Основы для ее разрешения также заложил С. Л. Пташицкий. Он обращал внимание на изменения лексики в текстах Римских Деяний и в соответствии с этим разделил списки на три группы: в первой группе «в заглавиях... одно только слово *приклад*, во второй — *приклад сииречь притча* и уже прямо *притча*; в 3-й оба эти слова пропускаются».⁷ Таким образом, первая группа характеризовалась обилием полонизмов; во второй отмечались глоссы, поясняющие полонизмы; третья — практически полностью русифицирована. Движение текста, по С. Л. Пташицкому, шло от польских калек к русской терминологии. При этом исследователь отмечал соответствие/несоответствие русского приклада, входящего в Римские Деяния, польскому, латинскому и чешскому источникам.

Те же принципы легли и в основу исследования Э. Малэк,⁸ которая подтвердила существование трех описанных С. Л. Пташицким групп русских кодексов, повторив его выводы. Этих оснований для выделения групп придерживается и Л. В. Соколова, которая первую и вторую группы текстов называет соответственно Уваровской и Тихонравовской. При этом Л. В. Соколова впервые предложила рассматривать выделенную ее предшественниками третью группу как особую (Вторую) редакцию Римских Деяний, появившуюся на русской почве.⁹

Вопрос о редакциях кодексов до работы Л. В. Соколовой практически не поднимался. С. Л. Пташицкий, выделив означенные группы текстов, существование редакций прямо отрицал: «Несмотря на очевидное существование трех групп, мы не можем, однако, доказывать существование трех разных редакций. Ближайшее рассмотрение рукописей всех трех групп убеждает нас... в том, что редакция была одна».¹⁰ Отличия третьей группы, касающиеся не только лексики, но и состава, и порядка следования прикладов, он объяснял частными изменениями в процессе бытования текста: «...следует признать, что редакция русского сборника была одна, с течением времени по разным причинам некоторые рассказы переменили свое местоположение».¹¹ Между тем все эти приметы (язык, состав, новая структура сборника) позволяют полностью согласиться с совершенно справедливым заключением Л. В. Соколовой о создании на русской почве Второй редакции кодекса, датирующейся началом XVIII в.¹²

Таким образом, на основе предшествующих исследований можно прийти к выводу о существовании двух русских редакций Римских Дея-

⁷ Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести... С. 95.

⁸ Malek E. Narracje staropolskie... S. 117—148, 250—253.

⁹ См.: Федорова И. В. XXIV Малышевские чтения // Рус. литература. 2001. № 2. С. 231—232 (изложение доклада Л. В. Соколовой).

¹⁰ Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести... С. 95—96.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² К сожалению, доклад Л. В. Соколовой полностью не опубликован. В дальнейшем я вслед за нею пользуюсь термином «Вторая редакция», а не «Третья группа»; в отношении двух первых групп я сохраняю традиционную терминологию, поскольку из изложения доклада неясны принципы группировки списков.

ний, из которых Первая (Основная) представлена двумя группами.¹³ Однако причины различий в составе кодексов до сих пор никак не объяснены, не показаны взаимоотношения между группами, пути движения текстов. Рассмотрение языковой эволюции у С. Л. Пташицкого ограничено лишь отдельными примерами, приводившимися из разных рукописей. В свою очередь и Э. Малек дает самую общую, без ссылок на списки, характеристику языка перевода: «...с течением времени часть полонизмов заменялась родной лексикой, сначала в форме глосс или дублетов соответствующих выражений и оборотов».¹⁴ Между тем именно на лексическом анализе в первую очередь можно наблюдать пути и приемы русификации переводного текста.

При начале подобного исследования идеальным было бы сопоставление древнерусского перевода с его польским оригиналом, но при отсутствии последнего «выделение наиболее раннего текста перевода ориентирует в поисках его источника среди редакций и вариантов иноязычного памятника».¹⁵ Именно поэтому первоочередной задачей является традиционное текстологическое исследование Римских Деяний по всем известным в настоящее время рукописям и по отдельным памятникам.¹⁶ Это позволит детально представить пути освоения иноязычного произведения, взаимоотношение вариантов, а главное — определить характер первоначального русского текста. Лишь на этой основе можно будет достаточно точно говорить и об архетипе польского источника.

Число списков Римских Деяний, как в виде кодекса, так и в выборках отдельных прикладов, насчитывает несколько десятков. Если А. Н. Пыпин при характеристике русского перевода упоминал около 15 рукописей (среди них 11 кодексов),¹⁷ то С. Л. Пташицкий описывал уже 17 кодексов, притом в отличие от А. Н. Пыпина почти исключительно из петербургских собраний. В 1950—1960-е гг. несколько списков было введено в науч-

¹³ Кроме того, семь прикладов, читающихся в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 555, относят ко второму переводу Римских Деяний, см.: *Соколова Л. В.* К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266—273. Вопрос о нем требует особого рассмотрения и пока должен быть отложен.

¹⁴ *Malek E.* Narracje staropolskie... S. 121.

¹⁵ *Тарковский Р. Б.* О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243.

¹⁶ Не привлекаются приклады, которым посвящены специальные исследования, как текстологические, так и историко-литературные: «Прикладный живот» Алексея человека Божия, см.: *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 123—124; Повесть о папе Григории, см.: *Гудзий Н. К.* 1) К истории легенды о папе Григории // ИОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 4. С. 234—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 177—192; исследование Повести в настоящее время продолжено М. Н. Климовой; Повесть о Аполлонии Тирском, см.: *Соколова Л. В.* Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982; Житие Евстафия Плакиды, см.: *Гладкова О. В.* 1) Византийская агиография в древнерусской литературе X—XVII вв. (на примере *Жития Евстафия Плакиды*) // Славянские литературы: Культура и фольклор славянских народов. XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998): Докл. российской делегации. М., 1998. С. 51—53; 2) «Житие Евстафия Плакиды»: Известные и неизвестные переводы и редакции XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 483—484.

¹⁷ *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 183—185.

ный оборот Г. Прохазковой.¹⁸ Э. Малэк указывает, что ей известно около 30 «полных копий» (т. е. кодексов) и несколько десятков сборников с избранными прикладами,¹⁹ и привлекает в работе около 30 рукописей обоих типов. В настоящее время можно говорить о существовании около 50 кодексов и около сотни сборников с отдельными повестями из Римских Деяний и родственными им.

В своей статье я ограничусь первоначальными наблюдениями, основанными на изучении около 70 рукописей разного типа — как кодексов, так и выборки из Римских Деяний.²⁰

Первые же опыты текстологического исследования выявили ряд вопросов, которые до этого в большинстве своем не поднимались. Самый сложный среди них — о соотношении двух первых групп русских текстов. Работы С. Л. Пташицкого и Э. Малэк позволяют предположить последовательность их появления в русской письменности: сначала перевод, близкий к кальке, изобилующий полонизмами, а затем — постепенная русификация текста. Однако датировки рукописей не подтверждают этой гипотезы. Самые ранние из них как в той, так и в другой группе датируются 1680-ми гг.; при этом к 1681 г. относится список из РНБ, собр. Погодина, № 1604, традиционно относимый к первой группе, но вторичный по отношению к первоначальному переводу на других основаниях: здесь переписчиком исключены все толкования («выклады»), чего в польском тексте мы не наблюдаем.²¹ Поэтому не только необходимо согласиться с Л. В. Соколовой, что «первая группа списков... не является старшей по отношению ко второй...», как считали С. Л. Пташицкий и Э. Малэк,²² но и задуматься о времени перевода Римских Деяний: он появился никак не позже 1670-х гг., хотя списков этого времени мы не знаем.

И в первой, и во второй группах пока не выявлено списка, лишённого писцовых ошибок и гаплографических пропусков, причем между группами эти ошибки не совпадают. Так, в «Прикладе о невдячности» все списки первой группы имеют гаплографический пропуск в эпизоде благодарности обезьяны: «...она [малпа] зубами орехи лускала. *Малпа же виде Гвидоново и наломала ему дров.* Тогда Гвидон, кроме трудов накладши дров на осла...» (РНБ, Q.XV.162, л. 37 об.). Выделенный текст восстанавливается по спискам второй группы (РНБ, собр. Вяземского, Q.142; БАН, собр. Никольского, № 8; РНБ, собр. Погодина, № 1713; ИРЛИ, Дрвлекранилище им. В. И. Малышева, оп. 23, № 80). Однако тот же пропуск отмечен и в списках ГИМ, собр. Уварова № 420(66)(711); РНБ, собр. Титова, № 4226; РНБ, Q.XV.47,²³ которые С. Л. Пташицким и Э. Малэк включались во вторую

¹⁸ Prochazkova H. Die Bedeutung und Verbreitung der «Gesta Romanorum» im alten Russland // Zeitschrift für Slawistik. 1960. Bd. 5. Hf. 4. S. 526—538.

¹⁹ Malek E. Narracje staropolskie... S. 251 (примеч. 37).

²⁰ Поскольку пока изучены не все кодексы, выводы настоящей работы могут в будущем измениться.

²¹ См.: Historye Rzymyskie (Gesta Romanorum) / Wydał dr. Jan Bystroń. Kraków, 1894.

²² Федорова И. В. XXIV Малышевские чтения. С. 231.

²³ См.: Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования «Приклада о невдячности человечестей из Римских Деяний: (Международный сюжет «Благодарные звери») // Историческое и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI—XX вв. Новосибирск, 2003. С. 232—235, 246.

группу первого перевода Римских Деяний. Вслед за С. Л. Пташицким список РНБ, Q.XV.47 особо выделяется Э. Малэк: «...наиболее архаичным, а следовательно, наиболее близким архетипу российского перевода ... является список ГПБ, Пог. № 1775 из первой группы и список ГПБ, Q.XV.47 из второй группы».²⁴ В Оптинском варианте Приклада, как и в Вяз. Q.142, этого пропуска нет (в большинстве разночтений по другим прикладам список РГБ, собр. Оптиной пустыни, № 266 наиболее близок к списку второй группы Вяз. Q.142, положенному в основу издания ОЛДП²⁵).

Приведу еще пример. Характерная ошибка списка Вяз. Q.142 в «Прикладе о чернокнижнике и рыцаревой жене» (вместо «в той же науце наученный» здесь читаем: «в той же час на улице наученный»²⁶) повторяется и в типичных списках первой группы — РНБ, собр. Погодина, № 1775 и РНБ, собр. Погодина, № 1604.

Таким образом, можно думать, что тексты обеих групп гораздо теснее связаны между собой, чем представлялось с первого взгляда. Несомненно, что исследование первой и второй групп должно вестись неразрывно, в едином комплексе подведения вариантов; только после этого прояснится вопрос об их взаимоотношениях. В настоящее время можно говорить лишь о том, что тексты первой группы характеризуются большей стабильностью и в контексте кодекса практически не дают ярких различий. Списки второй группы, напротив, не отличаются цельностью переработки текста, а выявленные разночтения свидетельствуют о разном и непоследовательности русификационного процесса. Замена полонизмов проходит неравномерно, «стихийно», без какой-либо системы; каждый писец на свой страх и риск менял непонятные для него термины, иногда сохраняя рядом полонизм и русизм.

Приведу примеры. Если в основной группе написано «недалеко от палацу» — то варианты второй группы дают «недалеко от чертогов от палацу» (Вяз. Q.142; ИРЛИ, оп. 23, № 80; Пог. 1713), «недалеко от полаты» (РНБ, F.XVII.21), «недалеко от града» (Ник. 8); «палацу» — «полату» (F.XVII.21; БАН, Архангельское собр., Д.420; РНБ, собр. Вяземского, № 61).

Вместо «панством своим» — «королевством своим» (Вяз. Q.142; Пог. 1713; ИРЛИ, оп. 23, № 80), «своим королевством» (F.XVII.21), «своим государством» (Ник. 8; Вяз. O.61).

²⁴ *Malek E. Narracje staropolskie...* S. 120. С. Л. Пташицкий отмечал, что рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1775 «по своей редакции ... представляется древнее всех предыдущих», рукопись же Q.XV.47 «по письму старше VI [= Погодин 1775], по редакции представляется списком с рукописи более древней, чем предыдущие» (*Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести...* С. 44—45). Не касаясь сейчас вопросов датировки рукописей, надо заметить, что текст Пог. 1775 не может представлять архетип памятника, прежде всего из-за обилия писцовых ошибок: переписчик явно не всегда понимал свой источник. Приведу примеры из Приклада о столпе Вергилия. Там встречаются как мелкие описки («образе» вместо «образе», «хвали» вместо «хвалу»), так и обороты, искажающие смысл, ср.: «почивал» вместо «пожичал», «чистое» вместо «читайте», «вред в них» вместо «в древних», «возлежит» вместо «во зле лежит». Подобные случаи можно отметить и в других прикладах.

²⁵ Римские Деяния. СПб., 1878. Вып. 1—2.

²⁶ То же в других списках второй группы — Увар. 66, Опт. 266, ГИМ, Музейское собр., № 2961.

Вместо «пановал» — «царствовал» (F.XVII.21; Ник. 8; Вяз. Q.142; Арх. Д.420; ГИМ, собр. Забелина, № 60; Пог. 1713; Вяз. О.61; Опт. 266), «господарствовал» (Увар. 66), «государствовал» (Муз. 2961), «королевствовал» (Вяз. Q.142; Пог. 1713; Опт. 266).

Вместо «шаленый» — «бешеный или глупый, шаленый» (Опт. 266, Вяз. Q.142), «шалный и глупый» (Q.XV.47; ГИМ, собр. Забелина, № 58; ГИМ, собр. Уварова, № 1326(494)(313); Тит. 4226; Вяз. Q.142; Опт. 266), «глупый» (ГИМ, собр. Забелина, № 59).

Вместо «мистр» — «мудрец» (Пог. 1775; РГБ, собр. Тихонравова, № 16), «мистр или волхв» (Тих. 16), «мастер» (Пог. 1775).

Число примеров можно значительно увеличить, но и приведенные достаточно показательны. Как видим, русские термины близки, почти синонимичны, но говорить о последовательности их употребления не приходится. Наиболее показательно, что в одном и том же списке встречаются разные варианты замен: наравне использованы «королевствовал» и «царствовал» вместо «пановал» в Вяз. Q.142; Пог. 1713; Опт. 266, вместо «мистр» — «мудрец» и «мастер» в Пог. 1775, «мудрец» и «волхв» в Тих. 16.

Также непоследовательно и употребление в заглавиях термина «притча», являющееся, по С. Л. Пташицкому, важнейшим признаком второй группы. Для этого достаточно просмотреть издание Римских Деяний:²⁷ этот термин в чистом виде применен лишь к одному рассказу (с. 235, о законе короля Асмодуса); шесть рассказов озаглавлено «Приклад, сииречь притча» (с. 69, 100, 117, 152, 225, 249 — приклады о цесаре Иовениане, о памяти смертной, о трех мудростях, о неверности женской, о двух лекарях, о сыновьях, стрелявших в труп отца). Во всех остальных случаях используется термин «приклад», иногда дополненный пояснительными эпитетами: «Приклад, сииречь бытия» (с. 62, о пустынноике и ангеле), «Приклад хвалебный» (с. 244, о трех королях-волхвах), «Приклад о житии» (с. 300, о Евстафии Плакиде), «Прикладный живот» (с. 329, об Алексее человеке Божиим).

Та же непоследовательность наблюдается и в других списках. Так, в рукописи F.XVII.21 из 12 текстов, читающихся в этом сборнике, термин «притча» используется переписчиком семь раз (приклады о цесаре Иовениане, о столпе Вергилия, о памяти смертной, о чернокнижнике и рыцаревой жене, о трех мудростях, о царе Дарии и трех его сыновьях, о благодарных зверях), дважды — термин «повесть» (о Гвидоне и Тирусе и о Папире), трижды — «приклад» (рассказы о пустынноике и ангеле, о неверности жен, о лакомом рыцаре). В списке Опт. 266 заглавие «притча», или «приклад, сииречь притча», встречается 11 раз из 36, все остальные определены как «приклад». Более последовательно новые термины употребляются во второй части каждого повествования. Так, в Опт. 266 слово «выклад» почти во всех случаях дополняется объяснением «сииречь толкование сея притчи (повести)». Все это несомненно свидетельствует о вторичности русских эквивалентов («притча», «повесть» и т. п.). Однако выделить эти тексты в особую группу, не говоря уже о редакции или варианте, пока не представ-

²⁷ Как уже говорилось, в основе издания лежит список Вяз Q.142, представляющий вторую группу Римских Деяний. Страницы указываются в тексте.

ляется возможным, поскольку эта русификация, как уже говорилось, проводится непоследовательно и не составляет системы. Наиболее яркий русифицированный текст подобного типа содержится в рукописи F.XVII.21.

Впрочем, непоследовательность обработки первоначального перевода наблюдается не только при замене полонизированной лексики на русскую, но и при создании особых вариантов того или иного рассказа. Выяснилось, что в ряде кодексов, которые в целом представляют достаточно традиционный текст, некоторые приклады должны быть отнесены к особым редакциям. Так, Забелинская редакция «Приклада о гордом цесаре Иовениане» входит в состав кодекса Заб. 60, а Уваровская редакция «Приклада о пустынноике и ангеле» читается в одном из наиболее известных списков Римских Деяний — Увар. 66 (еще один список той же редакции Приклада выявлен в сборнике РНБ, собр. Титова, № 2136). При анализе «Приклада о невдячности» был выделен его Оптинский вариант, отличающийся последовательной и целенаправленной русификацией и сохранившийся в рукописи Опт. 266.²⁸ Просмотр всего кодекса показал, что некоторые приклады здесь подверглись сходной правке (о пустынноике и ангеле, о гордом цесаре Иовениане, о важности и верности, о царе Дарии и его сыновьях, о трубе смерти, о королевской дочери, о Гвидоне и Тирусе), но большинство текстов (28 из 36) представляют вторую группу Основной редакции. То же наблюдается и в списке РГБ, Великоустюжское собр., № 59, представляющем Великоустюжскую редакцию кодекса: из 20 прикладов в его составе шесть, т. е. около трети, совпадают с Основной редакцией.

Это свидетельствует о том, что переписчики свободно относились к тексту сборника в целом и редактировали лишь отдельные его части, т. е. *переработка текстов в составе кодексов совершалась неравномерно*. Отсюда следует, что текстологическое исследование Римских Деяний должно сочетать установление редакций всех входящих в них прикладов с наблюдениями над кодексом в целом. Подобный подход давно выработался при текстологическом исследовании летописей, когда параллельно изучаются летописные своды и отдельные памятники, входящие в них.

Привлечение к исследованию помимо полных Римских Деяний близких к ним текстов в составе сборников позволило расширить данные для решения вопроса о соотношении кодекса и отдельных прикладов. Большая часть (почти половина) прикладов из Римских Деяний в самостоятельном виде не встречается — только в составе кодекса. В основном это повести из второй части сборника, такие как рассказы о царе на год, о двух лекарях, о трех королях-волхвах, о королевской дочери, о рыцаре и олене и т. п. Выписывают из него и перерабатывают, как правило, лишь некоторые излюбленные произведения, сюжеты которых близки давно известным на Руси сочинениям. Еще А. Н. Пыпин указывал некоторые из них: помимо житий Алексея человека Божия, Евстафия Плакиды, папы Григория, это «Благодарные звери» и «Повесть о пустынноике и ангеле».²⁹ К ним следует добавить «Цесаря Иовениана», сближающегося с русскими повестями о гордом царе. Именно эти повести, изъятые из кодекса Римских

²⁸ Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования... С. 235—236, 254—257.

²⁹ См.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории... С. 195—197.

Деяний, чаще всего встречаются в составе сборников как отдельные произведения, именно они чаще всего представляют особые редакции. Правда, при их рассмотрении каждый раз приходится определять, что перед нами: «Приклад о пустынноике и ангеле» из Римских Деяний или текст, выписанный из Минеи или Патерика со сходным сюжетом. Та же ситуация и с «Повестью о благодарных зверях». Мною было рассмотрено 43 списка как в кодексе, так и в сборниках пестрого состава.³⁰ Выяснилось, что среди них только 26 представляют собой текст из Римских Деяний, остальные 17 — это сходное повествование, встречающееся как отдельно, так и в качестве заключительной части (приложения?) в ряде списков «Описания вин и причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят...», где имеет особый заголовок — «Притча умильна»;³¹ при этом из 26 текстов лишь один (РНБ, собр. СПбДА, № 304) читается вне кодекса и представляет Сокращенную редакцию, производную от Второй редакции.

Об особых редакциях тех или иных повестей из состава Римских Деяний писали уже неоднократно. Можно назвать повести о папе Григории,³² о цесаре Иовениане,³³ о благодарных зверях.³⁴ «Приклад, яко прозрению Божию никто может противитися» («О цесаре Конраде и о рыцаревом сыне») послужил основой для создания русской Повести о богатом купце, а «Приклад о преступлении души и о ранах, уязвляющих души» («О чернокнижнике и о рыцаревой жене») — для Повести о купце Григории.³⁵ Материал об этих редакциях, а также о русских повестях, созданных на основе прикладов из Римских Деяний, скрупулезно собран Э. Малэк.³⁶

В настоящее время известно гораздо большее количество особых редакций, отличных от текстов Основной и Второй редакций того или иного приклада. Так, Приклад о пустынноике и ангеле сохранился в следующих редакциях (вариантах): Пискаревская, в четырех списках (РГАДА, ф. 181, № 310; РГБ, ф. 228 (собр. Пискарева), № 172; БАН, 28.6.29 (Нов. 1494); F.XVII.21), притом текст F.XVII.21 читается в составе кодекса; Титовская, в трех списках (Увар. 66; Тит. 2136; Муз. 2961), два из которых (Увар. 66 и Муз. 2961) — в составе кодексов; редакция ОЛДП Q.88 в одном списке; Оптинский вариант в двух списках — Опт. 266 и Вяз. Q.142, оба в составе кодексов.

«Приклад о гордом цесаре Иовениане» известен в пяти особых редакциях: Никифора Симеонова, один список (ГИМ, Синодальное собр., № 294), Великого Зеркала в шести списках (РНБ, собр. Погодина, № 1384; ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 316; БАН, 32.11.7. (Осн. 455); РНБ, собр. Колобова, № 318; ГИМ, собр. Вострякова, № 1011; ГИМ, Музейское

³⁰ Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования...

³¹ См.: Салмина М. А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332—352.

³² См.: Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории. С. 177—192.

³³ См.: Malek E. Narracje staropolskie... S. 132—135; Ромодановская Е. К. Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовениане // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 689—693.

³⁴ Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования...

³⁵ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 154—165.

³⁶ Malek E. Narracje staropolskie... S. 126—148.

собр., № 431), Вельская, один список (РГБ, ф. 218 (собр. ОР), № 474), Забелинская, один список (Заб. 60), редакция ОЛДП Q.88, один список.

Приклад о благодарных зверях имеет, как уже говорилось, особую Сокращенную редакцию; повесть на сходный сюжет, приписанная Василию Садовулину, знает две редакции (Основную и Погодинскую) и два варианта (Большаковский и Тихомировский).³⁷ Приклад о юноше Папирии сохранился в двух особых редакциях (F.XVII.21 и СПбДА 304). По одной особой редакции имеют приклады о Гвидоне и Тирусе (ГИМ, собр. Вострякова, № 914), о чернокнижнике и рыцаревой жене, о столпе Вергилия, о памяти смертной; последние три, как и Приклад о цесаре Иовениане, дошли в редакции Никифора Симеонова (ГИМ, Синодальное собр., № 294).

Необходимо обратить внимание на небольшие выборки из кодекса — от трех до пяти повестей. Иногда их просто переписывают, как например, в сборнике Кариона Истомина (ГИМ, Чудовское собр., № 302), где мы находим отрывки четырех повестей в Основной редакции: о цесаре Иовениане, о благодарных зверях, о юноше Папире, о Гвидоне и Тирусе. Однако в ряде случаев вся выборка получает сходную стилистическую обработку. Так, особая версия Римских Деяний сохранилась в библиотеке Никифора Симеонова — крупнейшего деятеля Печатного двора и одного из самых известных книжников последней трети XVII в. В сборнике Синод. 294 рукой самого Никифора переписаны уже упомянутые «Повесть о некоем цесаре Иовениане...» (л. 104—110 об.), «Притча о преступлении душевном и о язвах, душу уязвляющих» (о чернокнижнике, л. 111—112 об.), «Притча о совершенстве» («Столп Вергилия», л. 113—115 об.), «Притча, да не согрешает человек» (о памяти смертной, л. 115 об.—116 об.). Все они представляют особую редакцию, о которой еще будет сказано.

Другие выборки представляют и варианты известных текстов, и новые редакции. Так, в рукописи РНБ, собр. Вяземского, F.16 содержатся три приклада (о памяти смертной, о цесаре Иовениане и о благодарных зверях), каждый из которых представляет стилистическую версию Второй редакции. Сборник Вяземского необходимо соотносить с рукописью ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Смирнова, № 6, где также содержатся три стилистически переработанных приклада из Второй редакции (о папе Григории, о пустынноике и ангеле и о гордом цесаре Иовениане). В свою очередь три приклада в сборнике СПбДА 304 (о юноше Папирии, о благодарных зверях, о лакомом рыцаре), также происходящие от Второй редакции, представляют особую Сокращенную редакцию Римских Деяний. Иного типа сокращенную версию, но уже Основной редакции, составляют три приклада в рукописи БАН, собр. Археологического института, № 55 (о трубе смерти, о трех мудростях цесаря Дометиана, о царе Дарии и его сыновьях); эта редакция условно названа АИ-55. Точно также особую редакцию составляют два приклада из сборника РНБ, собр. ОЛДП, Q.88 (о пустынноике и ангеле и о цесаре Иовениане).

Как видим, «малые выборки» из кодекса представляют наибольшее число обработок тех или иных групп текстов из Римских Деяний. Эти обработки шли параллельно с общим редактированием кодекса; возмож-

³⁷ Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования...

но, «малые выборки» представляют отрывки из неизвестных нам полных кодексов или же начальные этапы их переработки. Поэтому в настоящее время я считаю возможным говорить о существовании следующих разновидностей текста Римских Деяний в целом.

1) *Основная редакция*, представленная двумя группами, взаимоотношения между которыми еще до конца не прояснены; она появилась не позднее 1680-х гг. От нее происходят: редакция Никифора Симеонова, 1680-х гг.; Великоустюжская редакция, читающаяся в рукописи РГБ, ф. 122 (Великоустюжское собр.), № 59, 1770-х гг.; Оптинский вариант, сохранившийся в рукописи Опт. 266, XIX в.; краткие редакции АИ-55 и ОЛДП, Q.88.

2) *Вторая редакция* создана, скорее всего, в начале XVIII в. От нее происходит Сокращенная редакция (СПБДА304), Смирновский и Вяземский варианты.

3) Особо нужно выделить *редакцию лицезний*, начала XVIII в., известную в четырех списках (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Перетца, № 213; РНБ, Q.XV.97; РНБ, собр. Титова, № 4182; ГИМ, собр. Барсова, № 2780) и объединяющую тексты Римских Деяний, переработанные для включения в сборники лицезний. В их основе лежит, скорее всего, Первая (Основная) редакция.

Взаимоотношения между выделенными редакциями еще не совсем ясны. Их характер и количество уточнятся при дальнейшем изучении сохранившихся списков Римских Деяний. Однако уже сейчас можно говорить о значении наиболее ранней русской редакции — Никифора Симеонова.

Трудно сказать, был ли сам Никифор автором этой обработки. Наличие в рукописи ошибок, прежде всего галлографических, свидетельствует о том, что это все-таки список, а не оригинал. Вместе с тем наличие текстов Римских Деяний в рукописи-автографе Никифора Симеонова говорит о его интересе к ним, а их оригинальность в сравнении со всеми другими известными в настоящее время позволяет назвать их «редакцией Никифора Симеонова».

Главной особенностью симеоновской обработки является последовательная русификация повествования, сказавшаяся как в скрупулезном освобождении от многочисленных полонизмов, калек первого перевода, так и в приведенных заглавиях: в жанровых определениях термин «приклад» заменен один раз «повестью», в остальных случаях — «притчей». По-видимому, такая мена связана и с почти полным отказом от «выкладов»,³⁸ что меняет первоначальную структуру переводного памятника.

В ряде случаев в тексте у Симеонова появляются чисто русские реалии, бытовая терминология, а также сделаны вставки, свидетельствующие о системе взглядов русского редактора. Так, столп Вергилия ставится «посреде торга» (л. 113),³⁹ сын кузнеца Фоки «ходит во училище» (л. 114), сам Фока трактуется как «всякий православный христианин» (л. 115) — в первоначальном переводе здесь «всякой христианин доброй» (с. 97), а баня в «Притче о чернокнижнике и рышаревой жене» вполне соответствует рус-

³⁸ «Толкование» сохраняется только в рассказе о столпе Вергилия, это свидетельствует о том, что в оригинале Симеонова «выклады» наличествовали.

³⁹ В скобках даются ссылки на листы рукописи Синод. 294.

ской постройке. В самом начале «Притчи о памяти смертной...» мнение встреченного купца о герое-князе «странноприимец есть» (л. 115 об.), отсутствующее в первом переводе Римских Деяний, сюжетно никак не оправдано и вызвано, скорее всего, традиционными русскими представлениями об идеальном правителе.⁴⁰ В соответствии с ними в «Иовениане» царь-ангел не только непосредственно не участвует в наказании героя, лишённого престола, но и выступает с речью об обязанности властителя защищать обвиняемого.

Почему из большого кодекса избраны именно эти сюжеты — не ясно; вероятно, были переделаны лишь первые,⁴¹ начальные его главы, до прочих же «руки не дошли». Вместе с тем система их переработки явно свидетельствует о стремлении редактора включить переводные тексты в русскую литературу. Однако эта редакция текстов из Римских Деяний, по-видимому, не получила широкого распространения, как и соседствующая с ними «Повесть о царе Аггее» в редакции того же Никифора Симеонова.⁴² В рукописной традиции эти тексты известны прежде всего в составе Великого Зеркала, что заставляет обратиться к вопросу о соотношении Римских Деяний с другими переводными сборниками того же времени.

Зерцало исконно было связано с Деяниями общими сюжетами. Судя по комментариям Г. Эстерлея, в латинских *Speculum exemplorum* встречается 14 рассказов, происходящих из *Gesta Romanorum*.⁴³ П. В. Владимиров в русском переводе Великого Зеркала отмечал три сходных по сюжету рассказа: о трех царях-волхвах, о трубе смерти, о цесаре Конраде и рыцаревом сыне (в Зеркале он называется «Пресвятая Богородица раба своего, иже божественную литургию с радостью послушаше, от огня избави и на носящего же зло обрати»).⁴⁴ К перечисленным стоит добавить статью Зеркала «Царь купил премудрость у философа», сюжетно сопоставимую с прикладом Римских Деяний «о мудрости, чтобы мы добрым размышлением творили» (о царе, купившем три мудрости).

Никаких взаимодействий между текстами русских Деяний и Зеркала пока не обнаружено. Поэтому включение повестей из *Gesta* в Зерцало на русской почве и в русской обработке представляет особый интерес. Уже в 1680-х гг. все четыре повести в Симеоновской редакции были включены в состав Великого Зеркала,⁴⁵ причем Повесть об Иовениане была еще раз переработана на основе нового обращения к Повести о царе Аггее и к первому переводу Римских Деяний.⁴⁶ Повесть об Иовениане в редакции Великого Зеркала в настоящее время, как уже говорилось, известна в шести списках XVII—XVIII вв. — как в составе Зеркала или выборок из него, так и в сборниках. Возможно, что именно через Великое Зерцало «Приклад о чер-

⁴⁰ См.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 37—38.

⁴¹ В большинстве списков эти приклады расположены в начале кодекса; Приклад о пустынноике и ангеле, открывающий текст Римских Деяний в издании ОЛДП, может встречаться и в конце его (главы от 35-й до 37-й).

⁴² Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе... С. 193—198.

⁴³ Oesterley H. *Gesta Romanorum*. Berlin, 1872.

⁴⁴ Владимиров П. В. Великое Зерцало... С. 27—28.

⁴⁵ См. рукопись Великого Зеркала — РНБ, собр. Погодина, № 1384, 1680-х гг.

⁴⁶ См.: Ромодановская Е. К. Русская версия Приклада... С. 693.

нокнижнике и рыцаревой жене» в симоновской версии послужил основой особого варианта этой повести, сохранившегося в списке РГБ, Музейное собр., № 4633.

Помимо текстов Симоновской редакции в состав Великого Зеркала вошла и особая (Пискаревская) редакция «Приклада о пустынноике и ангеле», также созданная в конце XVII в. (см. РГБ, ф. 228 (собр. Пискарева), № 172). Ее особенности сходны с обработкой Никифора Симонова: русифицирована и упрощена лексика, введены чисто русские понятия: «клеть» вместо «храмина», «посадкий человек», «человек торговой» вместо «мещанин», «православный христианин» вместо «добрый христианин». Эта редакция выявлена, как уже говорилось, еще в трех сборниках пестрого состава, но о связи ее с неким большим кодексом свидетельствует сохранение номера главы — «90», как в Пискаревской рукописи, так и в списке РГАДА, ф. 181, № 310.

Сходство приемов обработки текста Пискаревской редакции с редакцией в сборнике Никифора Симонова позволяет предположить работу с текстами Римских Деяний если не самого Никифора, то других редакторов из круга книжников Печатного двора. При этом первые выявленные списки Зеркала, включающие повести из Римских Деяний, имеют свои особенности. Так, О. А. Державина отметила, что список РНБ, собр. Погодина, № 1384, 1680-х гг., включает второй перевод, дополненный статьями из первого и из некоторых других источников.⁴⁷ Просмотр рукописи показал, что как из первого, так и из второго перевода включены далеко не все статьи (принципы отбора пока не ясны), а текст отличается от опубликованного О. А. Державиной варианта второго перевода: помимо лексических различий появляются новые заголовки, некоторые рассказы сокращены, а некоторые разделены на две части с разными заголовками. Те же особенности сохранились и в неизвестном О. А. Державиной списке ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 316, также конца XVII в., в который включен и Приклад о цесаре Иовениане в той же редакции (Тихомировская рукопись недописана, поэтому связь ее с другими текстами Римских Деяний не ясна).

Обнаружение русских статей в составе Великого Зеркала не является открытием. Они отмечались еще П. В. Владимировым,⁴⁸ а позднее Б. Вальчак-Срочиньской;⁴⁹ во втором переводе, как показала польская исследовательница, они касались двух тем — почитания книг и отношения к царской и мирской власти, что было наиболее злободневно в последней трети XVII в. Этой причиной можно объяснить интерес к «Прикладу о гордом цесаре Иовениане». Чем же вызвано внимание к другим сюжетам из Римских Деяний, чисто беллетристическим?

По-видимому, в этот период шло активное освоение и приспособление к русским общественным нуждам и художественным задачам повестей из переводных сборников. Вскоре после перевода, в те же 1680—1690-е гг.,

⁴⁷ Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 157—158, 166—167.

⁴⁸ Владимиров П. В. Великое Зерцало... С. 33—36, 43, 55.

⁴⁹ Walczak-Sroczynska B. Wielkie Zwierciadło Przykładów — dzieje tekstologiczne. S. 493—508.

Римские Деяния попытались поставить в контекст исторического повествования,⁵⁰ но гораздо важнее оказалось жанровое сходство приклада с древнерусской притчей — сходство в терминологии, генезисе, структуре, источниках, системе действующих лиц.⁵¹ Можно говорить едва ли не о тождестве притчи и приклада в русской жанровой системе XVII в. Однако должного места в этой системе переводные приклады не нашли. Обладая всеми признаками притчи, на Руси они тяготеют не к этому дидактико-аллегорическому жанру, а к беллетристике. Отрыв приклада от близкой ему по жанровым приметам притчи объясняется, по-видимому, как временем его появления в русской литературе, так и спецификой бытования. Главная функция сборников прикладов — дать материал проповеднику — оказывалась невостребованной на Руси из-за неразвитости публичной проповеди (возрождение ее начинается лишь во второй половине XVII в.); учительную же, дидактическую функцию, которую *exempla* играли в западной литературе, у нас давно и с успехом выполняла притча, несущая, помимо всего, память о высшем образце жанра в живом тексте Евангелия. Для того чтобы «слиться» с притчей, приклады появились слишком поздно.

Этот факт во многом определил дальнейшую судьбу Римских Деяний на Руси. На их основе началось формирование нового типа сборников, не известных до того в русской словесности. В частности, этим несомненно занимались в окружении Никифора Симеонова; вспомним, что ему принадлежал наиболее полный, объединяющий оба перевода экземпляр Великого Зеркала (ГИМ, Синодальное собр., № 101). Еще П. В. Владимиров задавался вопросом, не был ли Никифор и редактором второго перевода Великого Зеркала.⁵²

Новый вид сборников оказывается связан не столько с Великим Зеркалом, сколько с Римскими Деяниями. Великое Зерцало по типу нравоучительного рассказа находит соответствие в Прологе — недаром, когда сюжеты прямо совпадали, переписчики давали прямую отсылку: «зри в Пролозе»⁵³ — и, следовательно, продолжает традицию нравоучительных, духовных книг, известных с древнейшего периода. Деяния же предлагали русскому читателю повествования иного характера, более светского, — на основе исторических преданий, народных анекдотов, античных мифов, сказочных сюжетов и т. п., а если житий святых, то наиболее романизованных.

Особенно нагляден этот новый тип сборника, когда повести из Римских Деяний начинают объединяться с фацециями, что происходит уже в начале XVIII в.

О вхождении повестей из Римских Деяний в сборники фацейции упоминали практически все исследователи, занимавшиеся последними, однако не ставился вопрос о том, что делается с прикладами, попавшими в чуже-

⁵⁰ См.: *Ромодановская Е. К.* Римские Деяния и историческое повествование Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 648—654.

⁵¹ См. подробнее: *Ромодановская Е. К.* Перевод Римских Деяний и древнерусская система жанров // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв.* Новосибирск, 2006. С. 42—53.

⁵² *Владимиров П. В.* Великое Зерцало... С. 47.

⁵³ Там же. С. 55—56.

родную среду. Только Э. Малэк отметила, что в этих сборниках приклады из Римских Деяний подвергаются специальной обработке: меняются их заглавия, они лишаются морализации и, следовательно, символического смысла образов и событий.⁵⁴

Включение прикладов из Римских Деяний в сборники фацейций происходит на русской почве, что подтверждается текстологическим исследованием. Оно же подтверждает справедливость наблюдений Э. Малэк. Так, при включении в сборник фацейций «Приклада о невдячности» («Благодарные звери») повествованию дано новое заглавие («О Гвидоне, сотворившем милость над впадающими в яму»), которое иначе распределяет роли героев: не дворецкий (на первом месте) и пресельник, а один Гвидон определяет сюжет повести. Весь текст чрезвычайно сокращен, нравоучительные концовки отсутствуют, вместо них появляется обязательный для фацейций «Виршик» в 6 стихотворных строчек о необходимости платить за добро.⁵⁵ В данном случае можно, по-видимому, говорить о жанровых изменениях в первоначальном прикладе при включении его в иную жанровую организацию. Об этом пишет и Э. Малэк: «Забота анонимного редактора о единстве сборника проявилась в стремлении придать всем текстам *формы фацейции*».⁵⁶

Всего в сборниках фацейций встречается от 3 до 17 прикладов. Их включение в эти сборники ставит перед исследователями несколько вопросов, ожидающих своего решения. Какие именно тексты выбирались русским редактором? Почему они объединялись именно с фацейциями, если в более близком к Римским Деяниям по своей направленности Великом Зерцале число вкраплений ограничено пятью текстами, чаще читающимися в сборниках пестрого состава? Наконец, какова же судьба жанровой специфики всего кодекса на Руси?

Прежде всего необходимо отметить, что большая часть (почти половина) прикладов из Римских Деяний в самостоятельном виде не встречается — только в составе кодекса. На этом фоне особенно значимо, что в сборники фацейций вошли повести, отдельно не переписывавшиеся, — о слепце по доброй воле, о неблагодарном сыне-короле, о соревновании двух лекарей, о трех товарищах, делящих хлеб на дороге. При этом кажется естественным, что выбираются прежде всего сюжеты, основанные на анекдоте (о воре, сломавшем ногу, о соревновании двух лекарей, о трех товарищах, делящих хлеб на дороге). Однако мы видим и сюжеты нравоучительные (о благодарных зверях, о неблагодарном сыне-короле, о царе Веспасиане и его дочери, о королевской дочери и мудром рыцаре), иногда близкие к апофегме (о царе, купившем три мудрости, о столпе Вергилия). О. А. Державина предполагала, что сборники фацейций пополнялись за счет рассказов о женской неверности и о женских проделках.⁵⁷ Однако названные выше сюжеты показывают, что их содержание не ограничивается женской тематикой, хотя она и чрезвычайно важна для Римских Деяний.

⁵⁴ *Malek E. Narracje staropolskie...* S.174.

⁵⁵ *Ромодановская Е. К. Опыт текстологического исследования...* С. 238, 262—263.

⁵⁶ *Malek E. Narracje staropolskie...* S. 173. Курсив мой. — *Е. П.*

⁵⁷ *Державина О. А. Фацейции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М.* 1962. С. 72.

О близости читателю повестей из двух этих переводных сборников свидетельствует тот факт, что выписки из фацетий могут быть обозначены как выписки из Римских Деяний. Так, в сборнике РНБ, собр. Погодина, № 1953 известный рассказ о жене Сократа Ксанфиппе⁵⁸ имеет заголовок: «Написася сия книжица *История из Римских Дей* в лета 7199 году месяца сентевриа в 14 день. Выписано из книги Ногетма» (л. 142).

Думаю, что объединение Римских Деяний и фацетий связано с созданием нового типа сборника, какой впервые появляется на Руси с новыми переводами. Сборники, как известно, это основной тип книги Древней Руси, но они, как правило, до этого времени имели другой характер: они были связаны прежде всего с историей (летописи, хроники), с церковной службой (минеи, прологи) и поучением (Изборник, Измарагд, Златая цепь и т. п.). Беллетристического сборника Древняя Русь не знала. Фацетии и представляют, по-видимому, первый (или один из первых) образцов сборника беллетристического типа. Сам характер новеллистического повествования, анекдота не позволяет воспринимать тексты фацетий как исторические сведения или поучение.

Римские Деяния на первых порах, по-видимому, не попадали в разряд беллетристики. Однако попытки поставить их в контекст исторического повествования или чистого поучения (через Великое Зерцало) оказались несостоятельными. Обладая всеми признаками притчи, сохраняя внешнее «прикрепление к истории»,⁵⁹ переводные приклады на Руси тяготеют не к этим жанрам, а к беллетристике. Недаром Е. М. Мелетинский рассматривал *Gesta Romanorum* прежде всего как источник «сюжетного материала» для «новеллизации» литературы: «Это движение сопровождается отрывом от проповеди..., усилением общезнательного пафоса по сравнению со специфически христианским..., сближением с фольклорной традицией, нарративным усложнением... При этом остаются „ситуативность“, оценка не столько людей, сколько отдельных поступков, изображение людей как поля применения абстрактных моральных принципов. Живой процесс взаимодействия фольклорной традиции с развивающейся литературой „примеров“, в сочетании с некоторыми другими более или менее случайными источниками, дал жизнь светской новелле в литературе».⁶⁰

Римские Деяния появились вовремя, чтобы дать толчок развитию беллетристических жанров, так как, потеряв «серьезные» функции — проповедническую и дидактическую, они превратились прежде всего в сборники занимательного и одновременно поучительного чтения, действительно обогатив русскую литературу, как справедливо писал Е. М. Мелетинский, новым сюжетным материалом.

Именно на этой почве «беллетризации» литературы и происходит объединение Римских Деяний и сборников фацетий. На их основе создается новый тип беллетристической книги, которая получит широчайшее рас-

⁵⁸ Там же. С. 136—137.

⁵⁹ В. П. Адрианова-Перетц писала по поводу его русской версии: сборник «лишь внешне, и то не всегда, прикреплен к истории. Исторический элемент ограничивается несколькими именами римских кесарей, императоров, консулов, средневековых императоров, рыцарей» (см.: История русской литературы. М.: Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 402).

⁶⁰ Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 52, 60.

пространение в литературе XVIII в., книги, вобравшей различные малые жанры прозы и повлиявшей на только-только зарождающуюся журналистику. Необходимо помнить, что в переходную эпоху между древней и новой литературой новые явления далеко не сразу получали воплощение в печатной книге. Как русский роман формировался, используя опыт развития древнерусской беллетристической повести и переводного романа, распространенного в рукописном виде,⁶¹ так и позднейшие «антологии» опирались на традицию русифицированных переводных сборников.

⁶¹ *Калашикова О. Л.* Жанровые разновидности русского романа 1760—1770-х гг. Днепрпетровск, 1988. С. 10—12.